

УДК 821.161.1

П. Н. Толстогузов

**ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА
В ПОВЕСТИ ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»**

Статья посвящена рассмотрению особенностей историко-хронологической рамки в повести Пушкина «Капитанская дочка». Автор приходит к выводу, что эта рамка объясняет неожиданную, на первый взгляд, моральную устойчивость младшего Гринёва: он принадлежит к третьему поколению честных и принципиальных служаек, о которых известно из сюжета.

Ключевые слова: историко-хронологическая рамка, литературный прототип, политический романтизм, концепция «честного человека».

DOI: 10.24412/2227-1384-2024-154-82-86

Историко-хронологическая рамка в «Капитанской дочке» не вполне обычна: её нижняя граница — эпоха 1730-х годов (царствование Анны Иоанновны), верхняя — 1800-е или 1810-е годы (царствование Александра Первого). Внутри рамки находятся события екатерининского времени: первая половина 1770-х, в основном в связи с восстанием Пугачёва. Единожды упоминается «покойный император Пётр III»¹. Елизаветинская эпоха не упоминается, если не считать лубка с сюжетом Семилетней войны (осада Кюстрина) в доме коменданта Белогорской крепости. Эпоха Павла Первого не упомянута вовсе.

Исторические имена и события распределены примерно так же. Из эпохи императрицы Анны упомянуты она сама, Миних, Волынский, Хрущёв, взятие Очакова (1737), взятие Данцига (1733, в черновиках). Елизаветинская эпоха отмечена, как уже было сказано, только упоминанием кюстринского эпизода Семилетней войны (о нюансах, связанных с этим упоминанием, см.: [5]). Эпоха Екатерины представлена основным сюжетным событием — восстанием Пугачёва (в связи с которым в тексте и назван Петр Третий), а также упоминанием русско-турецкой войны 1768—1774 годов и бунта яицких казаков 1772 года, ставшего своего рода прелюдией к пугачёвщине.

Толстогузов Павел Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и журналистики (Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия); e-mail: pnt59@mail.ru.

© Толстогузов П. Н., 2024

---

¹ Здесь и далее тексты Пушкина приводятся по десяти tomному собранию сочинений 1977—1979 годов. См.: [6]. Повесть «Капитанская дочка» находится в шестом томе этого собрания сочинений.

Среди исторических имён екатерининского времени – сама Екатерина, полководец Румянцев, генералы Траубенберг и Голицын, литераторы Сумароков и Третьяковский (деятельность и того, и другого припала на несколько царствований XVIII века, но в повести Пушкина они упомянуты, представляется, исключительно в контексте века Екатерины). Косвенно, через реминисценции и цитаты, упомянут Фонвизин [1, с. 69 и далее]. В эпиграфах – Княжнин и Херасков (см.: [там же]), косвенно – издатели Чулков (и/или Новиков), Львов (и Прач) (см.: [2]). В пропущенной главе – генерал Михельсон. Эпоха Александра единожды упоминается как время рассказчика: «кроткое царствование императора Александра».

Что в этом необычного? Рассмотрим. В повести эпоха «отцов» отнесена к 1730-м годам. Отец главного героя, премьер-майор в отставке Андрей Петрович Гринёв, «служил при графе Минихе». Его бывший сослуживец военный губернатор Оренбурга генерал Андрей Карлович Р., под началом которого служил Пётр Гринёв, одет в мундир, напоминающий «времена Анны Иоанновны». Комендант Белогорской крепости капитан Иван Кузьмич Миронов, непосредственный начальник Петра Гринёва, «уже сорок лет в службе», то есть с начала тех же 1730-х годов.

Причём служебная активность прототипов всех троих представителей поколения отцов относится уже к другой эпохе, елизаветинской. Лев Александрович Пушкин, дед поэта и один из возможных прототипов старшего Гринёва (см.: [1, с. 68; 3, с. 164 и далее]), поступает на службу шестнадцати лет – в 1739 году и, следовательно, застаёт только последние два года эпохи Анны Иоанновны и в походах Миниха, упоминающихся в повести, не может принимать участие. Губернатор Оренбурга генерал Иван Андреевич Рейнсдорп, прототип Андрея Карловича Р. (см.: [1, с. 78, 97]), начинает служить с середины 1740-х годов и получает первые серьёзные чины (полковник) только в конце елизаветинской эпохи. Прототип капитана Миронова Андрей Прохорович Крылов (отец баснописца; см.: [1, с. 102–103]) также гораздо моложе соотнесённого с ним героя повести: в 1738 году он только появляется на свет.

Попытки связать указания на эпоху 1730-х годов с автобиографическим контекстом (с предками Пушкина по обеим линиям, их участием в событиях этого десятилетия; см.: [3; 4]) имеют смысл, но вряд ли решающий. Когда необходимо, Пушкин может игнорировать семейное предание или умолчать о нём, на что указывает, например, М. И. Гиллельсон [1, с. 67–68].

Особый акцент на десятилетии царствования Анны Иоанновны вызван, на наш взгляд, несколькими причинами (в том числе и биографическими, но не в первую очередь и не главным образом). Одна из этих причин – Миних и Вольнский, упомянутые в повести. Для Пуш-

кина это прежде всего примеры относительно независимого поведения администраторов высшего уровня в самодержавном государстве: та самая «честь», которая вынесена в общий эпиграф. И фельдмаршал Миних, и кабинет-министр Волынский интриговали против всемогущего Бирона, за что Волынский поплатился жизнью, а позже Миних уже за поддержку Анны Леопольдовны (в ситуации с арестом Бирона) — двадцатилетней ссылкой. Эти интриги были интерпретированы русским политическим романтизмом как демонстрация свободолюбия и вызов тирании. В «Думах» Рыльева и в набросках к ним эта тема образует отдельный лироэпический сюжет («Волынский», «Видение императрицы Анны», «Миних»). Герой этого сюжета — «повсюду честный человек», кто «вечно в чувствах благороден», обречён на страдания и тем не менее деятелен (см.: [7, с. 88]). Неоклассицистской героине младших архаистов (в терминологии Тынянова) Пушкин противопоставил обычную порядочность обычного человека эпохи, но при этом указание на исторический фон 1730-х годов — как указание на наследие «отцов» и на их честную службу — намеренно оставил.

Другая причина — тема молодости. В молодости «отцов» соединены «проказы» (в воспоминаниях губернатора Оренбурга) и служение. Это стилистически близко духу авантюриности, присущему эпохе давних дворцовых переворотов и так называемых «случаев» — атмосфере той обстановки, в которой тем не менее выковывались характеры безупречных служак вроде капитана Миронова. История младшего Гринёва — также уменьшенная модель игры случая. Вокруг него и рядом с ним возвышаются и падают люди фортуны (Швабрин), а он просто остаётся «повсюду честным человеком», готовым, что называется, потерпеть по службе, но не готовым к измене и даже к обычной лжи во спасение. Для такой модели поведения нужны были примеры людей, не изменявших себе, и автор нашёл их в эпохе Миниха и Волынского. Переворот 1762 года, в ходе которого тот же Миних и дед Пушкина (по семейной легенде) остались верны Петру Третьему, тоже пригодился бы для этого, но он как событие был, видимо, не вполне цензурен из-за слишком хорошо ощущавшейся связи с ситуацией царствующей фамилии¹. Тем не менее Пушкин в черновом варианте предусматривал этот вариант. В любом случае «верность» Миниха («Моя родословная») что в 1741, что в 1762 году была тем свойством, которое проходило проверку и в герое повести Петре Гринёве.

Историческая рамка, как правило, бросает ответ на символическое содержание и жанровую определённость сюжета. Так, в «Пиковой даме» история молодой графини и загадочного Сен-Жермена, произошедшая в последние годы Людовика XV, соединяет в себе черты исторического анекдота и мистической повести, контрастно оттеняя тем

---

¹ Два царевича: Петра и Павла.

самым *психологический* сюжет об одержимости, связанный с «сумрачной фигурой» (Гуковский) Германна. В «Капитанской дочке» историко-хронологическая рамка объясняет неожиданную, на первый взгляд, моральную устойчивость младшего Гринёва: он представляет третье поколение честных служаков, о которых известно из сюжета. Это его дед, который «пострадал вместе с Волынским и Хрущевым», и его отец, начавший служить при Минихе и, возможно, вышедший в отставку из-за неожиданно прерванной внешними обстоятельствами карьеры¹. Таким образом «святыня совести», о которой говорит Гринёв-старший, связана не только с легендарным безымянным «пращуром», но также прямо и косвенно с событиями конца 1730-х и начала 1760-х, где выбор людьми старшего поколения был сделан в пользу «чести».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиллельсон М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.
2. Грибушин И. И. О песнях в «Капитанской дочке» // Временник Пушкинской комиссии: 1975. Выпуск 13. Л.: Наука, 1979. С. 85–89.
3. Зверева Т. В. Вокруг Миниха: о скрытом сюжете в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 1. С. 161–168.
4. Листов В. С. Автобиографическое в «Капитанской дочке» // Philologica. 2002. Т. 7, № 17-18. С. 145–166.
5. Основат А. Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки // Ruthenia. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/530953.html> (дата обращения: 07.04.2024)
6. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 томах. Л.: Наука, 1977–1979.
7. Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. СПб.: Типография И. И. Глазунова, 1872. 382 с.

* * *

Tolstoguzov Pavel N.
HISTORICAL AND CHRONOLOGICAL FRAMEWORK
IN PUSHKIN'S STORY *THE CAPTAIN'S DAUGHTER*
 (Sholom-Aleichem Priamursky State University, Birobidzhan, Russia)

The article is devoted to the consideration of the features of the historical and chronological framework in Pushkin's story *The Captain's Daughter*. The author comes to the conclusion that this frame explains the unexpected, at first glance, moral stability of the younger Grinev (hero): he belongs to the third generation of honest and principled old veterans, which is known from the plot.

Keywords: historical and chronological framework, literary prototype, political romanticism, the concept of an "honest man".

DOI: 10.24412/2227-1384-2024-154-82-86

¹ Намек на это в повести остался. Судя по пристрастному чтению «Придворного календаря», майор в отставке Андрей Петрович Гринев вышел в отставку по неким принципиальным соображениям, а пушкинские черновики, как уже отмечалось, прямо указывают на связь оборванной карьеры и переворота 1762 года (см.: [1, с. 67–68]).

REFERENCES

1. Gillel'son M. I. *Povest' A. S. Pushkina «Kapitanskaja dochka»: Kommentarij* (Pushkin's novella "The Captain's Daughter": Commentary). Leningrad, Prosveshhenie Publ., 1977. 192 p.
2. Gribushin I. I. About the songs in "The Captain's daughter" [О песнях в «Капитанской дочке»], *Vremennik Pushkinskoj komissii: 1975*, no. 13, Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 85–89.
3. Zvereva T. V. Regarding Minikh: about the hidden plot in the "Captain's Daughter" by A. S. Pushkin [Vokrug Miniha: o skrytom sjuzhete v «Kapitanskoj dochke» A. S. Pushkina], *Filologicheskij klass*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 161–168.
4. Listov V. S. Autobiographical theme in "The Captain's daughter" [Avtobiograficheskoe v «Kapitanskoj dochke»], *Philologica*, 2002, no. 7, pp. 145–166.
5. Ospovat A. L. From the commentary to the "Captain's daughter": lubok pictures [Iz kommentarija k «Kapitanskoj dochke»: lubochnye kartinki], *Ruthenia*, Available at: <https://www.ruthenia.ru/document/530953.html> (accessed 04/07/2024).
6. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij* (The Works), in 10 volumes, Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979.
7. *Sochinenija i perepiska Kondratija Fedoroviča Ryleeva* (The writings and correspondence of Kondrati Fyodorovich Ryleev), Sanct Petersburg, I. I. Glazunova Publ., 1872. 382 p.

* * *